

ЛЕБЕДЕВ Юрий Владимирович —

доктор филологических наук, профессор Костромского государственного педагогического университета,
автор учебников, статей по отечественной литературе
liter@sh@mail.ru

ОБ ОДНОЙ ИЗ ВЕТВЕЙ ГОГОЛЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются два направления в развитии русской литературы середины и второй половины XIX века, идущие от Гоголя, но развивающие разные грани его реалистического метода.

Ключевые слова: натуральная школа, две ветви гоголевской традиции, социальное обличение, духовное совершенствование.

Annotation. The article examines two directions in the development of Russian literature in the middle and second half of the XIX century, going from Gogol and developing different facets of his realistic method.

Key words: natural school, two branches of the Gogol's tradition, spiritual perfection.

Творчество Николая Васильевича Гоголя обозначило новую фазу в развитии русского реализма. Сначала В.Г.Белинский, а потом Н.Г.Чернышевский стали утверждать, что этот писатель явился родоначальником «гоголевского периода» в нашей литературе, который начался со второй половины 1840-х годов. Правда, содержание этого нового периода сводилось у них к развитию так называемого обличительного направления в литературе. В Гоголе они видели первого писателя-сатирика, обличавшего основы существовавшего в России общественного строя. Это был, конечно, односторонний взгляд на существо реализма Гоголя. Ведь не случайно же Ф.М.Достоевскому, глубоко религиозному писателю, чуждому идеологии революционной демократии, приписывается фраза: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”». Дарование Достоевского, считавшего себя наследником Гоголя и А.С.Пушкина, бесконечно шире и богаче социального обличительства.

Мировоззрение Гоголя в основе своей было глубоко религиозным. Гоголь никогда не разделял идейных установок Белинского, согласно которым человек по своей природе добр, а зло заключается в общественных отношениях. «Природа человека» никогда не представлялась Гоголю «мерюю всех вещей». Источник общественного зла заключён не в социальных отношениях, и устранить это зло с помощью реформ или революций нельзя. Несовершенное общество — не причина, а следствие человеческой порочности. Внешняя организация жизни — отражение внутреннего мира человека. И если в человеке помрачён его Божественный первообраз, никакие изменения внешних форм жизни не в состоянии уничтожить зло.

«Я встречал в последнее время много прекрасных людей, которые совершенно сбились, — обращался Гоголь к Белинскому и людям его круга. — Одни думают, что преобразованиями и реформами, обращением на такой и на другой лад можно поправить мир; другие думают, что посредством какой-то особенной, довольно посредственной литературы, которую вы называете бел-

А.М.Волков. Сенная площадь. 1861

летристкой, можно подействовать на воспитание общества. Но благосостояние общества не приведет в лучшее состояние ни беспорядки, ни пылкие головы. Брожение внутри не исправить никакими конституциями. Общество образуется само собою, общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполняла должность свою. Нужно вспомнить человеку, что он во все не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придёт в порядок и земное гражданство»¹. Источник этих убеждений писателя очевиден: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» (Мф. 6, 33).

Всё творчество Гоголя вызывает к падшему человеку: «Встань и иди!» «В нравственной области Гоголь был гениально одарён, — утверждал исследователь его творчества К.Мочульский, — ему было суждено повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть её с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие “великую русскую литературу”, ставшую мировой, были намечены Гоголем: её религиоз-

но-нравственный строй, её гражданственность и общественность, её пророческий пафос и мессианство»².

Уже К.С.Аксаков в оценке «Мёртвых душ» сосредоточивал внимание на вечном, непреходящем элементе художественного мирозерцания Гоголя, эпической, «пушкинской» его первооснове. Но Белинский от того же Гоголя отчуждал сиюминутное и злободневное качество его дарования, основанное на критическом отношении к окружающей действительности. Белинский считал, что, опираясь на социально-критический пафос гоголевского творчества, его последователи раздвинут вширь границы русского реализма, дадут полную картину современного общественного бытия под социальным углом зрения.

Так уже в конце 1840-х — начале 1850-х годов определились две ветви в развитии русской литературы. Одна, магистральная, в творчестве И.А.Гончарова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, А.Н.Островского, Н.А.Некрасова вела от Пушкина и Гоголя к вершинам русского реализма. «Здесь всякое жизненное явление, по определению Н.Я.Берковского, изображалось “на миру”, в общенародном кругу, “соборно”

и всякий индивидуальный образ входил в общий, более широкий образ России»³. Другая же ветвь, представленная творчеством А.Ф.Писемского, В.А.Слепцова, Г.И.Успенского, Н.С.Лескова, питала недоверие к масштабным художественным обобщениям, но стремилась с максимальной полнотой охватить изображением мелочи и подробности повседневного бытия. Эстетические позиции писателей этого направления формировались под влиянием позднего Белинского, который настаивал на преодолении субъективизма художественной фантазии и на «изображении жизни в формах самой жизни», на условности художественных критериев в оценке явлений искусства. Тем же доверием к жизненному процессу с его собственными творческими возможностями были пропитаны строки основного тезиса эстетики Чернышевского: «...Произведение искусства может иметь преимущество перед действительностью разве только в двух-трёх ничтожных отношениях, и по необходимости остаётся далеко ниже её в существенных своих качествах»⁴.

Отечественная литература XIX века в лице своих гениев создавала обобщённый образ России. Но А.М.Горький не случайно замечал, что «поле наблюдений старых, великих мастеров слова было странно ограничено, и жизнь огромной страны, богатейшей разнообразным человеческим материалом, не отразилась в книгах классиков с той полнотой, с которой могла бы отразиться»⁵.

В эпоху торжества классического романа, в период небывалого расцвета литературы как особой формы художественного сознания, писатели-демократы хранили гоголевский завет верности действительности со всеми её мелочами и подробностями. В «Выбранных местах из переписки с друзьями», давая Пушкину высокую оценку, Гоголь говорил и о некоторой односторонности его эстетической позиции: «Изо всего, как ничтожного, так и великого, он исторгает только одну его высшую сторону, не делая из неё никакого примененья к жизни... Пушкин дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше... Все сочинения его — полный арсенал орудий поэта. Ступай туда, выбирай себе всяк по руке любое и выходи с ним на битву; но сам поэт на битву с ним не вышел». Не вышел потому, что, «становясь мужем, забирая отовсюду силы на то, чтобы управляться с большими делами, не подумал о том, как управиться с ничтожными и малыми»⁶.

Пафос Пушкина заключался в утверждении гармонических идеалов. Пафос Гоголя в критике, в обличении жизни, которая вступает в противоречие с собственными потенциальными возможностями, открытыми гением Пушкина — «русским человеком в его развитии». Пушкин для Гоголя оставался идеалом, опираясь на который он подвергал анализу современную жизнь, обнажая свойственные ей болезни и призывая её к духов-

ному исцелению. Но сквозь похвалу Пушкину слышится ещё и гоголевский упрёк ему. Может быть, этот упрёк не совсем справедливый, но зато ясно выражающий одну из существенных граней мироощущения Гоголя. Он рвётся на битву со всем накопившимся «сором и дрязгом» «растрёпанной действительности». Именно эта сторона гоголевского дарования и привлекала к себе беллетристов 1860—1870-х годов.

Писателей-демократов интересовали не выдающиеся, не исключительные, а массовые явления, в поле их зрения попадала в первую очередь губернская и уездная Русь. В отличие от Тургенева Писемского, например, не привлекала тонкая культурная прослойка дворянского общества, несущая в Россию высокую культуру, вырабатывающая и формулирующая новые идеи, новую идеологию. Внимание Писемского было обращено к широкой массе дворянского сословия, к тем его кругам, которые живут «отражённым светом» и переживают массовые увлечения и разочарования, вызванные политическими и идеологическими сдвигами в стране в эпоху созревания и свершения в ней реформ. Писемский был убеждён, что не тонкая культурная прослойка, как думал Тургенев, а именно этот *массовый* культурный слой определял в конечном счёте драматическую судьбу России в эпоху реформ.

Сближаясь с этим слоем общества, Писемский чувствовал себя гласным от него. Он освещал жизнь этого слоя с особым юмором, разрушающим общепризнанные литературные нормы. «Еретические» оправдания явлений, бывших в то время предметом сатирического обличения, объективно вели Писемского к разрыву с художественными традициями реализма наших классиков, но в то же время с помощью своеобразного юмора открывали перед читателями такую жизненную правду, какая в поле зрения классиков русского реализма не попадала.

Характерная особенность писательской манеры Глеба Успенского — мозаичность и клочковатость повествования, обилие зарисовок, связанных между собою не единством фабульной линии, а прихотливыми ассоциациями. Успенский имел дело с жизнью не устоявшейся, не отлившейся в завершённые формы, изменяющейся буквально у него на глазах. Создать что-нибудь цельное внутри этой разорванной жизни было мудрено. Новизна озадачивала, требовала осмысления. Поэтому основной пафос Успенского-писателя — пафос удивления перед непостижимыми загадками, которые преподносит ему переменчивая жизнь.

Эти стремительные перемены провоцируют столь же стремительные обобщения, выливающиеся у Глеба Успенского в форму, близкую к публицистике, но не тождественную с ней. Это публицистика, окрашенная глубоким лиризмом. Она не уверена в своей правоте, не деспотична по отношению к художественным картинам. Успенский с недоверием относится к склонности

своих соотечественников вершить теоретические обобщения, не считаясь с реальной сложностью жизни, обходя её. В произведениях Успенского рождается новый художественный феномен — органический сплав публицистической мысли и художественного образа. Фиксируется не результат, не итог, а процесс поиска, в котором художественная мысль ещё не может обрести завершённый характер. *Выходя* из образа в публицистическое обобщение, она ощущает его недостаточность, а потому снова и снова *входит* в образ. Успенский не предлагает готовых выводов, не подводит окончательных итогов, а показывает *процесс рождения художественной мысли*. Точно так же и характеры героев в его очерках выглядят незавершёнными: его интересуют не устойчивые типы, а вновь нарождающиеся общественные явления.

Так появилась у нас вслед за Гоголем целая плеяда писателей, которые с максимальной полнотой воссоздавали пёструю мозаику русской жизни, с предельной осторожностью используя специфические, обобщающие функции литературы. «Знаете: когда читаешь в повести или романе какое-нибудь чрезвычайное событие, всегда невольно думаешь: “Эх, любезный автор, не слишком ли вы широко открыли клапан для вашей фантазии?” — заявлял Н.С.Лесков. — А в жизни, особенно у нас на Руси, происходят иногда вещи, гораздо мудрёнее всякого вымысла — и между тем такие странности часто остаются незамеченными»⁷. Воображение — сила великая, но пусть жизнь явится в произведении такой, какова она есть. Можно, оставаясь писателем, не спешить сводить концы с концами, не завершать и не закруглять то, что пока ещё не поддаётся в ней завершению и закруглению. Демократизм этих писателей проявлялся не только в тематике их произведений, обращённых к изображению низких и средних слоёв общества, но и в безграничном доверии к жизни, которая сама по себе казалась богаче любых, даже самых дерзновенных полётов фантазии и воображения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГОГОЛЬ Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. — М., 1952. — Т. XIII. — С. 435—446.

² МОЧУЛЬСКИЙ К. Гоголь, Соловьёв, Достоевский. — М., 1995. — С. 37.

³ БЕРКОВСКИЙ Н.Я. О мировом значении русской литературы. — Л., 1975. — С. 40.

⁴ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. — М., 1949. — Т. 2. — С. 69.

⁵ ГОРЬКИЙ М. Беседы с молодыми. — М., 1980. — С. 208.

⁶ ГОГОЛЬ Н.В. Собр. соч.: В 6 т. — М., 1959. — Т. 6. — С. 172, 173, 174.

⁷ ЛЕСКОВ Н.С. Собр. соч.: В 11 т. — М., 1958. — Т. V. — С. 270.